

Л.Е.Бляхер

ИМПЕРИЯ КАК ПАРАДИГМА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО РАССУЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМА «ОБОРАЧИВАНИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Каспэ С.И. Центры и иерархии:
пространственные метафоры власти
и западная политическая форма. —
М.: Московская школа политических
исследований, 2007. — 320 с.

Рецензия на книгу, особенно книгу сильную — занятие неблагодарное. Пересказывать ее содержание — значит почти всегда огрублять и вульгаризировать мысль автора. Указывать, где автор прав, а где ошибается, возможно, и оправданно, однако при наличии одного из двух условий: или автор и рецензент принадлежат к одной школе, или концепции автора противопоставлена столь же аргументированная концепция рецензента. В данном случае и первое, и второе условие отсутствуют. Кроме того, если имеется столь же выверенная и развернутая «альтернативная теория», лучше писать *другую книгу*, а не рецензию.

Но раз так, возникает закономерный вопрос о цели всего, что будет сказано ниже. Для чего автор берется писать рецензию, если не собирается ни пересказывать, комментируя, суть книги, ни критиковать ее положения? Может быть, перед уважаемым читателем очередной официальный панегирик автору книги — жанр, получивший очень широкое распространение на просторах нашей страны и за ее пределами? Надеюсь, что нет.

Книга Святослава Каспэ заслуживает иного, более серьезного, отношения. Прежде всего потому, что она представляет собой явление, способное повлиять на развитие отечественной политической науки, предоставить в распоряжение коллег новое, корректно заданное пространство описания, новый язык политологии, но только при одном условии — если будет прочитана.

Увы, в рамках современной российской политологии этого абсолютно не гарантируют ни научные достоинства книги, ни ее полемичность. Читают, и то не всегда, работы «научных начальников» или те, что получили резонанс за пределами страны. Наверное, в этом и состоит один из главных показателей провинциальности отечественной науки о политике. Собственно, привлечь внимание к новой работе, заслуживающей такого внимания, и есть главная задача предлагаемой рецензии. Другая, сопряженная с первой, задача — указать, просто

указать, на новое пространство рассуждения, которое раскрывает рецензируемая книга, на ее место в отечественной — и не только отечественной — политологии. Тех же, кто хотел бы узнать об этом пространстве подробнее, просто отошлю к тексту книги.

Итак, монография С.И.Каспэ — событие в жизни российского политологического сообщества, позволяющее выделить и методологически осмыслить новый пласт политической реальности, соотнести его с классическими образцами политологического описания. И как всякое яркое событие в научном мире, книга о пространственных метафорах власти в равной степени вписывается в существующие в науке смысловые контексты и «выламывается» из них.

Политические исследования в России последних лет более или менее четко распадаются на три направления. Первое направление можно назвать «исследованием отсутствия». В рамках этого подхода проводятся тонкие и порой изощренные исследования того, как российские (или иные) политические формы отклоняются от демократических стандартов. Фиксация «отсутствия» подчас бывает весьма остроумной, яркой и пафосной, но, увы, останавливается перед вопросом о наличии. Показывая, чего в том или ином режиме нет, исследования не дают ответа на вопрос: а что там, собственно говоря, есть?¹ Осознание ограниченности подобного подхода к описанию современной политики довольно часто приводит к выводу не только о «демократическом отказе», что самоочевидно, но и о «закате политологии» как науки².

¹ См., в частности, Гельман. 2007.

² См., напр. Ковалев 2002.

Причина проста: классическая, «образцовая» для отечественного сообщества начиная с 1990-х годов политология была и остается учением о демократии. По сути, в рамках этой традиции все режимы делятся на демократические и *еще* не демократические. Технические параметры демократических режимов и демократических форм организации властного пространства изначально заложены в исследовательскую матрицу. Соответственно, демократия выступает несомненной политической данностью и отправным пунктом рассуждения. Несмотря на очевидную линейность такого подхода, именно он в наибольшей степени разработан инструментально, и потому отказ от него чреват методологической эклектикой или прямой некорректностью (что зачастую и происходит в ходе «политологических семинаров» по «актуальным политическим проблемам», собирающих «знающих людей»). Однако продолжение данной традиции все больше превращает политологический акт в акт политический, выходящий за рамки научного дискурса или механически воспроизводящий определенные исследовательские стандарты.

Второе направление с известной долей условности можно назвать «начальствоведением» (привычный термин «элитология» здесь подходит меньше). Суть его в том, что часть политологического сообщества выводит характеристики политической реальности из психологических особенностей тех или иных политических деятелей и специфики взаимоотношений между ними. Как остроумно заметил пару лет назад

А.Ф.Филиппов, политологи, исследующие все более «непрозрачную» политику, делятся на «посвященных» и «просвещенных». Первые знают, как было принято то или иное решение и фиксируют это знание, вторые стремятся построить некую целостную картину политической реальности³. Рассматриваемое направление, как правило, состоит из «посвященных» или тех, кто стремится войти в их число. Конечно, игнорировать влияние личности на политическую реальность трудно. Но при попытке хоть какого-то обобщения здесь неизбежно начинаются проблемы. Построить сколько-нибудь целостную картину реальности на основе глубоких знаний о «начальстве» просто не получается. Для этого необходима концептуализация той самой «почвы», той реальности, на знание которой претендуют «посвященные». В частности, в этом духе была выстроена «проблема 2008», когда судьба политики огромной страны выводилась из психологических характеристик ее президента⁴. Еще более отчетливо «начальствоведческий» уклон просматривается в так называемой «политической регионалистике».

Наконец, третье направление связано со стремлением выстроить новую политическую онтологию, дать категориальное описание, включающее в себя и классические политологические установки, и те новые характеристики политического пространства, с которыми сталкивается человечество в XXI столетии, или хотя бы выйти за пределы, обозначенные традицией. Такие попытки с определенной регулярностью предпринимались с момента институционализации российской политологии как самостоятельной науки. Можно вспомнить яркие работы М.В.Ильина, В.М.Сергеева, В.Л.Цымбурского⁵ и, конечно, «Русскую Систему» А.И.Фурсова и Ю.С.Пивоварова⁶, которая, собственно говоря, и стала первой ласточкой, свидетельствующей о зарождении этого направления.

⁵ Ильин 1997; Сергеев 1999; Цымбурский 2000.

⁶ Пивоваров, Фурсов 1999.

К тому же ряду, бесспорно, относится и монография С.И.Каспэ. При всем различии подходов, теоретических оснований и материала эти работы объединяет попытка, более или менее удачная, расширить «онтологические горизонты» политической науки. Всем упомянутым авторам (и многим другим, неупомянутым) удалось нащупать самую острую проблему исследования политики вообще и российской политики в частности — проблему нехватки терминов.

Усложнившаяся политическая реальность XXI столетия не желает охватываться существующим инструментарием, она все более вытесняется за рамки научного исследования. В результате само исследование становится или политической борьбой за «правильную» реальность, которую я (ученый) могу описать, или элементом игры социальных статусов, по привычке именуемой наукой. Попытки вырваться за рамки существующей методологии и вместе с тем остаться в пространстве научного дискурса часто принимают форму либо экзотических экспериментов, вводящих в политологию принципы и подходы иных наук, либо просто околополитической публицистики. Потребность «сказать новое

слово» ощущается настолько остро, что зачастую авторы «не успевают» методологически подкрепить свой «крик души». Публицистичность, выход за рамки научного дискурса нередко оказываются единственным средством «проговаривания» новой реальности.

На этом предельно нагруженном эмоционально фоне монография С.И.Каспэ выглядит «белой вороной». Она жестко определяет себя в рамках научного дискурса, его классических образцов. Складывается впечатление, что книга сознательно построена как реализация открывающего ее тезиса И.Лакатоса, где изложены требования к «альтернативной теории», которая должна доказать свою способность объяснить не только нечто новое, но и то, что уже объяснено в теории-предшественнице.

В этом плане крайне интересно уже само обращение автора к «западной политической форме». В отличие от достаточно многочисленных ныне продолжателей «Русской Системы», принципиально дистанцирующихся от «казуса Запада», он убежден: «Понять Запад еще не означает понять мир; но понять мир нельзя, не понимая Запада» (с. 45). Подчеркнуто тщательный анализ оснований генезиса современного «западного» государства и составляет содержание его работы. Но именно этот анализ и создает ощущение нового, отклоняющегося от привычного стандарта политологических описаний исследования. Почему? Попробуем разобраться.

С.И.Каспэ развертывает содержание книги на «поле конкурента», целенаправленно и последовательно использует теоретический и концептуальный багаж классических политологических концепций. Это позволяет не создавать инструментарий с «чистого листа», чем зачастую «грешат» отечественные политологи, но развивать и дополнять существующий. Путеводной звездой для автора здесь выступает концепция Эдварда Шилза⁷. Точнее, не совсем концепция, а те не вполне эксплицированные послылы, которые она содержит.

Любая сложная научная теория содержит в себе несколько вариантов «продолжения-завершения»⁸. И прежде всего это касается теорий «высокого уровня», к которым, без сомнения, относится теория центр-периферийных отношений Шилза. Подобная теория всегда есть реплика в «большом диалоге», предполагающая некий ответ-продолжение или несколько таких ответов. Как правило, в ходе развития науки реализуется одна из потенциальных возможностей завершения общей теории. Остальные отгесняются на периферию, воспринимаются в качестве «служебных» элементов, дополняющих центральную мысль. Именно это и произошло с теорией Э.Шилза, которая была «завершена» Г.Алмондом как учение о классификации политических режимов, где демократия выступала маркированным, определяющим элементом классификации⁹. Бесспорно, данный момент присутствует в концепции Э.Шилза, но не только он. В своей работе С.И.Каспэ «завершает» Э.Шилза как общую методологию исследования политической онтологии — уровня, детерминирующего характеристики политического

⁷ Шилз 1972.

⁸ Бахтин 1975.

⁹ Алмонд, Верба 1992.

режима. При этом текст одновременно оказывается «репликой» в контексте академической традиции политической науки и становящейся отечественной политологии.

Возникшая в начале 1990-х годов российская политология, отличная от политической истории и философии, была старательной ученицей политологии западной. Причина понятна — больше учиться было не у кого. Но обучение это было по большей части весьма своеобразным. Усваивались исследовательские технологии и концептуальные схемы. Смысловое же ядро теории или теорий, составляющих политическую науку, рефлексии не подвергалось. Само наличие такого «ядра», защищенного оболочкой, не рефлексировалось. Набор образующих его положений, символов и метафор воспринимался как онтологический пласт политической реальности, порождающий, но не порожденный. Именно его и подвергает анализу автор. Он обращается к тому пласту политической реальности, который делает видимую и эмпирически фиксируемую «политическую онтологию» Запада порожденной, переводит ее в сферу эпистемологии. Возникает методологический посыл, сходный с тем, что некогда проблематизировал теоретическую физику. На место «нормального» вопрошания: «как возможно, что скорость света в вакууме постоянна?» — был поставлен «обернутый» вопрос: «каков наш мир, если скорость света в вакууме в нем постоянна?».

Подобного рода методологические послы в монографии С.И.Каспэ обозначаются с самого начала и последовательно проводятся через все пространство книги. Первый из них прост и очевиден: политика — предельно символически нагруженная сфера. Система символов и метафор репрезентирует основной аспект политики: *соотнесение социальной реальности с ценностно более высокими уровнями бытия*. Мало того, ценностная система политики (центральная ценностная система) формирует для себя наиболее адекватную систему институтов (центральную институциональную систему), которая оптимальна только в рамках данной системы ценностей и невозможна в любой иной. Таким образом, видимые формы политики становятся эпифеноменом, детерминируемым этим ценностным уровнем, воплощенными в системе метафор.

Ценностно-символическая структура задается *Центром*. Собственно говоря, взаимодействие «центральной ценностной системы» и «центральной институциональной системы», приспособление институтов к ценностям, репрезентируемым символиккой Центра, и выступают у автора двигателем истории, во всяком случае — истории политической. При этом сам Центр есть отнюдь не геометрическое понятие, хотя его геометрические экспликации прослеживаются. Это метафора, как и все пространство политики, как и вся человеческая реальность. Попытка прорваться сквозь метафоры «к настоящей жизни» аналогична в данном случае действиям блоковского Пьеро, разрывающего декорации и проваливающегося в пустоту. Именно метафорическая ткань реальности является для С.И.Каспэ предметом анализа.

Центр смыслового комплекса Европы (Запада) — Рим, Рим Августа, который в массовом (и не только массовом) сознании сливается с Римом св. Петра. Их слияние и создает идею «Священной империи». Рим христианский задает ценностную структуру в ее всемирности и безграничности. Рим имперский формирует институциональную систему этой всемирности. Опираясь на методологические принципы, эксплицируемые из работ Э.Шилза, С.И.Каспэ демонстрирует первичность Рима христианского по отношению к Риму имперскому, показывает, как формировалась адекватная с точки зрения центральной ценностной системы политическая форма — Священная Империя Христианства.

Но сложившаяся Империя в силу своего вселенского характера оказывалась несоразмерной символическим структурам более низких уровней. Нужны были «посредники» между символическим миром Империи Христианства и повседневной деятельностью человека. Такими посредниками стали национальные государства.

Возникнув как своего рода «административные округа» в безграничной империи, государства сумели превратить свою «техничность» и «ограниченность» в важнейший политический ресурс. Именно это позволило им сосредоточить контроль над всеми ресурсными потоками, находящимися на данной территории, преодолеть ресурсный голод эпохи Средневековья, эпохи империи. «В разомкнутом *orbis terrarum*, в соответствии с христианским мировидением, предельная концентрация власти недостижима, а претензии на нее нелегитимны. Но если из круга земель выкроить замкнутый участок, внутри него и ценой этого самоограничения господство обещало достичь невысказанного ранее градуса интенсивности» (с. 134). Автор показывает, как рождалась новая — пространственная — метафора власти. Безграничная, всемирная власть империи превратилась в границы государства, проведенные в физическом пространстве. Политическое пространство соединилось с физическим. Еще более интересны механизмы конструирования «народа» и «нации», раскрываемые в тексте. Но «техническая» власть не была полноценной. Для того чтобы достроить себя, ей требовалась собственная трансценденция, под светом которой и происходила бы достройка.

Как демонстрирует С.И.Каспэ, сложившись как «технические», нейтральные формы, государства остро нуждались в новых символических ресурсах, в трансцендировании. Ведь в рамках прежней институциональной системы они получали символический ресурс от империи, против которой восстали. Утрата же символического смысла для политического, по сути, равносильна утрате существования, ибо превращает его в чистое насилие. Но такое трансцендирование, соотнесение себя с ценностным уровнем более высокого порядка оказывалось невозможным без отказа от автономного политического, которое, собственно, и стало порождением государства. Задача состояла в том, чтобы сделать Земного Бога («автономное политическое») бессмертным, ликвидировав последнее преимущество прежней символической системы над новой, империи — над государством.

Потому, заимствовав внешнюю форму у церкви, государство начинает наполнять ее *другим* содержанием, связанным с трансцендированием самого себя. Возникает концепт, позволяющий обессмертить Земного Бога — Народ. Народ как суверен, смысловой центр государства делает бессмертным и земное порождение — Левиафана. Через понятие суверенитета, через «историческое трансцендентное» государство обретает новое основание легитимности, выстраивая под него политическую форму, те самые внешние характеристики политического, которые так активно исследовались политологами в 1990-е годы и исследуются до сих пор.

Пожалуй, для развития политической науки особую ценность представляют именно срединные главы монографии С.И.Каспэ. В них не просто показано, как из Империи — Вселенной Христианства рождались национальные государства, в них показано, как рождался (создавался, придумывался) сам предмет политической науки. Однако в книге этот предмет — политическое национальных государств — оказывается в странном и не вполне привычном для себя положении. Он утрачивает онтологическое измерение и сам становится эпифеноменом более глубокой (или более высокой, если угодно) сущности. Эти формы и порожденная ими ценностная система «завязаны» на конкретные исторические условия и общие закономерности развития центральной ценностной системы. Такое «оборачивание» онтологии классических политических теорий в эпистемологию, на мой взгляд, и является главным достоинством книги. Лишившись онтологического статуса, национальное государство с присущими ему политическими формами «освобождает место» для нового аналитического поля. Более того, эта новая политическая онтология все явственнее проступает сквозь политическую карту мира.

Обретя ценностную основу через себя самое, государство, по существу, повисает в воздухе, остается ценностно безразличным. Может, именно поэтому исследования ценностной основы и метафорики государства воспринимаются столь болезненно. В результате их за функциональной нагруженностью все чаще проступает ценностная пустота. Здесь можно вспомнить интерпретацию государства в работах К.Шмитта¹⁰, да и замечательную книгу В.М.Сергеева «Демократия как переговорный процесс»¹¹. Введение в межгосударственные отношения морально-ценностного компонента ведет к частичной утрате автономности политического, утрате суверенитета. Стремление же обеспечить безопасность наталкивается на противоречие между локальными центрами и глобальными функциями.

В этот момент и возникает, вернее, возрождается политическая форма, казалось бы полностью утраченная и вытесненная государствами. Возникает *империя*. Точнее, имперские черты все отчетливее проступают на лице глобального мира. Ее (империи) еще нет, но политическая реальность «беременна» имперским проектом. Собственно,

¹⁰ Шмитт 2006.

¹¹ Сергеев 1999.

империя и выступает вторым ключевым методологическим посылом работы.

Здесь книга С.И.Каспэ попадает в еще один смысловой ряд: в пространство политологических исследований империи (империй). Само по себе использование понятия «империя» в политологической работе не является «открытием». От Ш.Айзенштадта до Н.Фергюсона исследователи не раз обращались к рассмотрению империй. Однако употребление этого термина в книгах, ставших бестселлерами, имело довольно выраженный идеологический оттенок. Как правило, «империя» выступала обозначением чего-то хорошего и прогрессивного¹² или, напротив, архаического и противостоящего модернизации¹³. Естественно, что по мере «снижения» жанра от научного исследования к публицистике степень оценочности, ангажированности в трактовке термина возрастала. Это сужало и эвристические возможности самого концепта, усложняло и метафоризировало его содержание. Мало того, в большинстве работ империя отождествлялась с государством — только очень крупным и сильным.

¹² Фергюсон 2003.

¹³ Eisenstadt 1968.

Тем самым определяющим оставался концепт государства, «империя» же лишалась самостоятельного смысла. Но даже там, где предметом изучения становились империя и имперское, авторы не ставили целью выделение онтологии, в рамках которой *возможны* и империя, и государство, и федерация.

В работе С.И.Каспэ концепт империи впервые оказался очищен от всех напластований и введен в качестве термина. Одновременно, что не менее, а, пожалуй, и более важно, в ней было введено новое пространство исследования — политическая онтология метафор власти. В этом пространстве империя есть иной (относительно государства) способ организации политического пространства, с иным набором политических институтов, иной мотивацией политических действий, иными формами политической метафорики. Можно предположить, что предельно интересный и, бесспорно, самоценный *исторический* анализ был предпринят в книге С.И.Каспэ еще и для того, чтобы избавить термин «империя» от коннотаций с «плохой» или «хорошей» политической формой.

Сегодня контуры новой империи, как показал С.И.Каспэ, обозначились предельно четко. Но только контуры. Пока не вступил в силу главный компонент — соотнесение политического порядка с ценностями более высокого аксиологического уровня. Государства, все отчетливее демонстрирующие свою неспособность дать ответ на новые вызовы современности, еще не уступили «поле сражения» империи. И речь идет не о конкуренции «технических форм». Точнее, она-то как раз является вторичной. Человечество сейчас напряженно ищет основания нового ценностно-символического пространства, из которого возможно выстроить политику. Произойдет ли это, покажет самое ближайшее будущее. Однако уже сегодня ясно, что грядущие схватки не в

последнюю очередь будут разворачиваться в ценностно-символическом пространстве и что с «вселенским» проектом Запада может взаимодействовать только столь же вселенский (имперский) проект.

Книга С.И.Каспэ позволяет методологически корректно «разглядеть» это становление и взаимодействие, увидеть за политикой не калейдоскоп технических форм, организаций и институтов разных уровней, не хаотическое движение, но новую целостность, новый предмет политологического описания и анализа. Это еще не «ответ» на вызов современной политологии, но вопрошание, которое делает ответ возможным.

Библиография

- Алмонд Г., Верба С. 1992. Гражданская культура и стабильность демократии // *Полис*. № 4.
- Бахтин М.М. 1975. *Вопросы литературы и эстетики*. — М.
- Гельман В.Я. (ред.) 2007. *Третий электоральный цикл в России*. — СПб.
- Губинский А. 2008. Проблема 2008. Модели и прогнозы // *АПН*. 28.09 (http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/313.html).
- Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий*. — М.
- Ковалев В.А. 2002. Поставторитарный синдром в регионе (Опыт республики Коми в контексте «путинского федерализма») // *Полис*. № 6.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. 1999. Русская Власть, Русская Система, Русская История // *Красные холмы: Альманах*. — М.
- Сергеев В.М. 1999. *Демократия как переговорный процесс*. — М.
- Фергюсон Н. 2003. *Истинная цена гегемонии* (<http://www.inosmi.ru/stones/01/06/28/3008/179161.html>).
- Филиппов А.Ф. 2005. Советники суверена // *Апология*. № 1.
- Цымбурский В.Л. 2000. *Россия — земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. — М..
- Шилз Э. 1972. Общество и общества: макросоциологический подход // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. — М.
- Шмитт К. 2006. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. — СПб.
- Eisenstadt S.N. 1968. Empires // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. V. — N.Y.